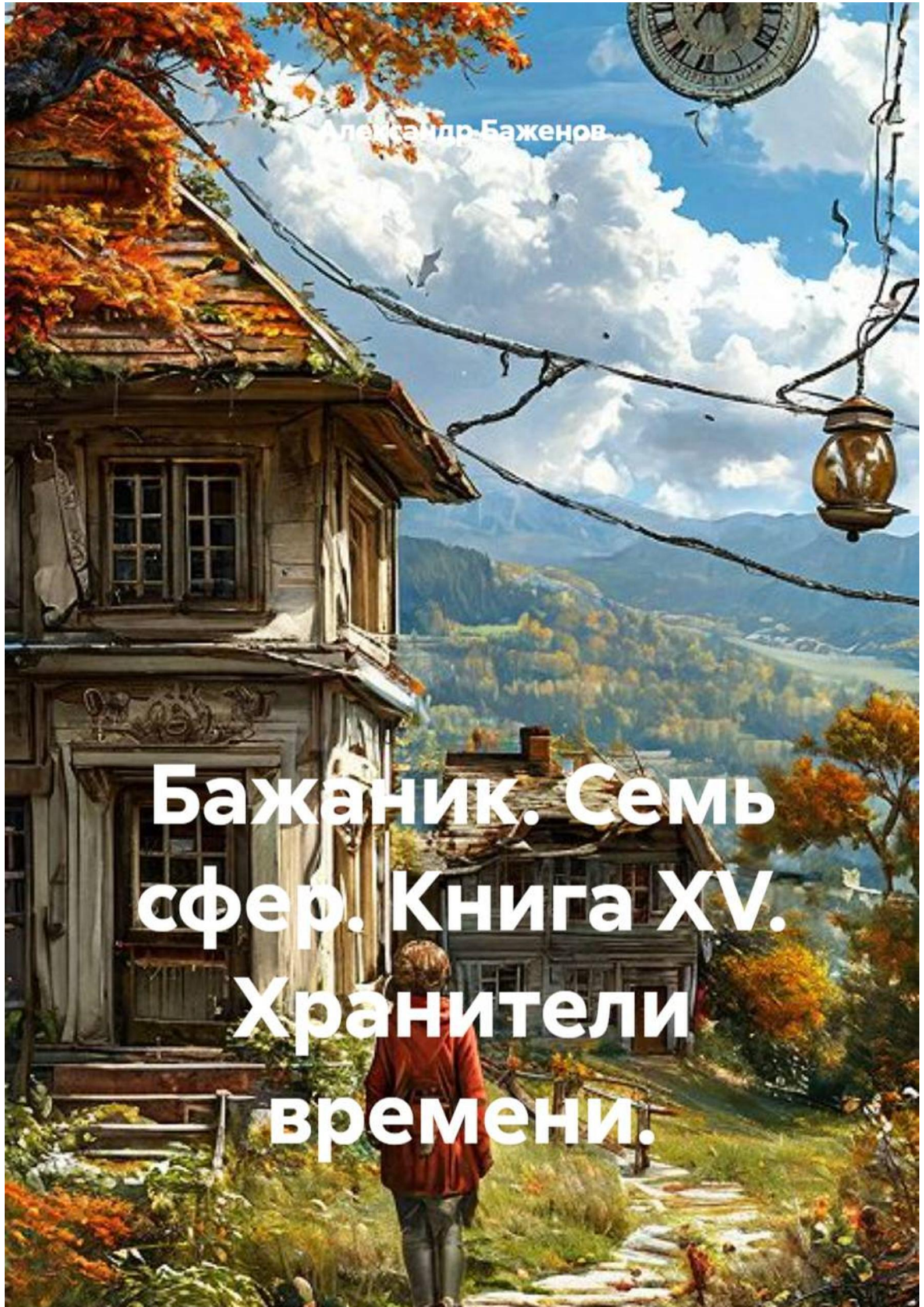

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. Книга XV.
Хранители
времени.**

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. Книга
XV. Хранители времени.**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга XV. Хранители времени. /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Время в Ольховке сломалось. Старинные бабушкины часы идут вспять, пациенты помнят то, чего ещё не было, а в небе над садом Артём и Алиса видят трещину — не пространственную, а временную. Такшака рассказывает о Хроносе, мире вне времени, где обитают семеро Хранителей — по числу дней недели и семи сфер. Один из них, Септимус, Хранитель Воскресенья, восстал: тысячелетия назад он полюбил смертную женщину и теперь пытается разорвать само Время, чтобы вернуть её. Но прошлое нельзя изменить — его можно только принять и наполнить светом. Артёму и Алисе предстоит не просто остановить безумного Хранителя, а исцелить его боль — и вместе с ним залатать раненую ткань вечности. Ценой собственных драгоценных мгновений, собрав всех союзников, они сплетут золотые нити кинцуги, в которых шрамы становятся узором, а любовь учится отпускать. Потому что каждое мгновение — это дар, а подлинная вечность прячется не в прошлом и не в будущем, а в том самом «сейчас», где бьётся сердце.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещина в вечности	5
Глава 2. Хранители дней	6
Глава 3. Воскресенье, которое не наступило	7
Глава 4. Танец мгновений	8
Глава 5. Раненое Время	9
Глава 6. Вечное сейчас	10
Глава 7. Хранители мгновений	11
Эпилог. Мгновение Септимуса	12
Послесловие автора	13
Словарик терминов пятнадцатой книги	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бажаник. Семь сфер. Книга XV. Хранители времени.

Глава 1. Трещина в вечности

Часы, идущие вспять. Пациенты, помнящие будущее. Сон о реке, текущей в обе стороны. Такшака рассказывает о Хроносе. Совет в саду. Портал открыт.

О Времени как стихии; о трещинах во Времени; о любви и времени.

Глава 2. Хранители дней

Путешествие в Хронос — мир, где нет «сейчас». Встреча с Хранителями Времени: Примус, Секундус, Тerciус, Квартус, Квинтус, Секстус. История любви Септимуса и Эйрены. Решение идти в разрывы времени.

О Хроносе и природе Времени; о семи днях и семи сферах; о любви и принятии смерти.

Глава 3. Воскресенье, которое не наступило

Временные карманы: Ольховка сто лет назад, бабушка, родители Алисы, Шамбала, Ади-
тья и Майя. Встреча с Септимусом. Его боль и гнев. Алиса рисует Эйрену. Последний разговор
и первые слёзы исцеления.

О прошлом и выборе; о горе и принятии; об отпускании.

Глава 4. Танец мгновений

Процесс отпускания: Септимус возвращает мгновения одно за другим. Первая встреча, первый поцелуй, первый спор, примирение. Последнее мгновение — последний вздох Эйрены. «Давай вместе» — Алиса помогает разжать пальцы. Трещина закрывается.

О танце мгновений; о кинцуги Времени; об исцелении через отпусkanie.

Глава 5. Раненое Время

Шрам на ткани Времени. Сбор всех союзников в саду. Каждый отдаёт своё драгоценное мгновение: Такшака — песню Земли, Адитья — полёт с Майей, ученики — свои тихие победы. Сомнение Георгия: «Моё мгновение слишком обычное». Поток золотых нитей. Шрам становится узором.

О жертве и даре; о золотых нитях кинцуги; о драгоценности каждого мгновения.

Глава 6. Вечное сейчас

Алиса у окна: пчела на цветке, облака, дыхание. Урок осознанности с учениками: практика благодарности и отпускания. Картина «Вечное сейчас» — циферблат без стрелок с лицами любимых. Разговоры о потоке, о музыке, о живописи, о любви. Вечер на крыльце и тиканье сердец.

О настоящем моменте; о благодарности и отпускании; о потоке и вечности.

Глава 7. Хранители мгновений

День Мгновений в яблоневоm саду. Подготовка к празднику: ленты, пироги, гитара, гармошка. Каждый рассказывает свою историю: Людмила — о внучке, Сергей — о мелодии, Анна — об утре без боли... Крикун впервые улыбается. Радуга мгновений загорается над садом. Алиса показывает картину «Хранители Мгновений». Подарок Септимуса — мгновение из будущего. Прощание.

О празднике мгновений; о силе историй; о кинцуги души.

Эпилог. Мгновение Септимуса

Письмо из Академии Художеств. Выставка «Вечное сейчас». Предсказание сбывается.
Звёздное небо и пятнадцать колец над садом.

Послесловие автора

Обращение к читателю. Чему мы научились за пятнадцать книг. Почему мы — Хранители Мгновений. Благодарность.

Словарик терминов пятнадцатой книги

Время (Хронос), Кайрос, Эон, Хронос (мир), Хранители Времени, Семь дней и семь сфер, Мгновение, Вечное сейчас, Поток, Кинцуги, Благодарность, Отпускание, Хранители Мгновений, Танец мгновений.

Предисловие автора

Когда-то давно, в самом начале этого пути, я и представить не мог, что он приведёт нас сюда — к порогу Хроноса, мира вне времени, где прошлое, настоящее и будущее лежат, как страницы раскрытой книги. Тогда, в первой книге, я только учился пробуждать сферы. Теперь, пятнадцать книг спустя, мы стоим перед самой загадочной из всех стихий — Временем.

«Что такое время? — спрашивал Августин Блаженный. — Если никто меня не спрашивает, я знаю. Если спрашивают — не знаю». Время — это река, в которую мы входим однажды и из которой не выходим никогда. Оно течёт сквозь нас, унося мгновения, словно осенние листья. Мы боимся его, мы пытаемся его удержать, мы скорбим о том, что оно уносит. Но что, если Время — не враг, а дар? Что, если каждое мгновение — это дверь в вечность, а каждая секунда — это выбор: любить или бояться, держать или отпускать, жить в прошлом или творить настоящее?

Эта книга — о Времени. О том, как оно ранится, когда мы пытаемся его повернуть вспять. О том, как оно исцеляется, когда мы отдаём свои самые драгоценные мгновения. О Хранителях — семерых существах, чей танец составляет сердцебиение вселенной. И о Септимусе, Хранителе Воскресенья, который потерял любимую и не смог отпустить.

«Всему своё время, — говорил Экклезиаст. — Время рождаться и время умирать. Время разрушать и время строить. Время плакать и время смеяться. Время танцевать». Сейчас — время танцевать. Время, когда Септимус научится отпускать. Время, когда мы все поймём: мы — не жертвы времени, а его творцы. Каждым своим мгновением. Каждым своим выбором. Каждой своей любовью.

В эзотерических традициях Время — одна из высших стихий. В индуизме Кала, бог времени, пожирает всё сущее, но он же и дарует всё. В каббале семь дней творения соответствуют семи сфирот — семи аспектам Божественного, и каждый день — это не просто отрезок, а священный сосуд. В буддизме время — иллюзия, порождённая умом, и просветление — это выход за его пределы, в вечное «сейчас». Всё это сплелось в этой книге, как золотые нити кинцуги сплетаются в разбитой чаше, делая её прекраснее прежней.

Я писал эту книгу для тех, кто когда-либо терял. Для тех, кто не мог отпустить. Для тех, кто боялся будущего или застревал в прошлом. Для всех нас. Потому что каждый из нас — немного Септимус. Каждый из нас что-то держит: старую обиду, ушедшую любовь, несбывшуюся мечту. Но эта книга — не о поражении. Она — о надежде. О Воскресенье, которое всегда наступает после самой долгой ночи. О мгновении, которое может вместить в себя всю вечность.

«Вечность — это не бесконечное количество времени, — писал философ Людвиг Витгенштейн. — Вечность — это отсутствие времени». Когда мы любим, время исчезает. Мы прикасаемся к вечности. И я надеюсь, что, читая эту книгу, вы тоже прикоснётесь к ней — хотя бы на мгновение.

Добро пожаловать в Хронос. Добро пожаловать в танец мгновений. Добро пожаловать домой.

Глава 1. Трещина в вечности

Апрель пришёл в Ольховку, как всегда, каплей и первыми проталинами. Снег сошёл почти полностью, и яблоневый сад стоял в предвкушении цветения — почки набухли, но ещё

не раскрылись, как будто мир затаил дыхание перед весенним взрывом. Земля пахла влагой и чем-то неуловимо новым, как пахнет только в апреле.

Алиса стояла под старым дубом и смотрела на ветви. Её лицо было спокойным, но я знал: она чувствует то же, что и я. После Танца Стихий прошло несколько месяцев, и всё это время в Ольховке царил покой. Но сегодня что-то изменилось.

— Ты чувствуешь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да. Что-то не так.

— Не со стихиями. С чем-то другим. Более тонким.

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Синяя сфера между бровей раскрылась, и я увидел мир в его энергетической структуре. Стихии были в равновесии: красная Земля, оранжевая Вода, жёлтый Огонь, зелёный и голубой Воздух, синий Эфир, фиолетовый Свет — всё звучало ровно. Но что-то ещё...

Я присмотрелся внимательнее. В ткани реальности, пронизывающей всё сущее, появилась трещина. Не пространственная — временная. Она была похожа на тончайшую нить, которая дрожала и пульсировала, как струна, готовая лопнуть. И от этой трещины расходились волны — невидимые глазу, но ощутимые сердцем.

— Время, — прошептал я. — Что-то случилось с Временем.

— «Время — это река, — процитировала Алиса. — Но что, если река начинает течь вспять?»

— Марк Аврелий. Он писал: «Время — это стремительный поток всего, что возникает». Но что, если поток остановился?

— Или раздвоился, — добавила она.

О Времени как стихии

«Что такое время? — спрашивал Августин Блаженный. — Если никто меня не спрашивает, я знаю. Если спрашивают — не знаю». Время — самая загадочная из всех стихий. Мы живём в нём, но не можем его увидеть. Мы чувствуем его течение, но не можем его остановить. Мы помним прошлое, но не можем в него вернуться. Мы ждём будущего, но не можем его узнать.

В эзотерических традициях Время считается одной из высших стихий — наряду с Эфиром, Пространством и Светом. В индуизме Кала — бог времени, пожиратель всего сущего. В греческой мифологии Хронос — бог времени, отец Зевса. В буддизме время — иллюзия, порождённая умом. В каббале время — одно из имён Бога.

В йогической традиции каждому дню недели соответствует своя планета и своя сфера: понедельник — Луна и Свадхистхана, вторник — Марс и Манипура, среда — Меркурий и Вишудха, четверг — Юпитер и Аджна, пятница — Венера и Анахата, суббота — Сатурн и Муладхара, воскресенье — Солнце и Сахасрара. Семь дней — это семь нот, на которых играет симфония жизни.

«Время — это сердцебиение вселенной, — говорила бабушка. — Когда оно ровное, мир здоров. Когда оно сбивается, мир болеет. Слушай время. Оно расскажет тебе больше, чем слова».

Первые признаки появились в тот же день.

Мы с Алисой сидели на кухне и пили чай. На каминной полке стояли старинные часы — бабушкины, с маятником и боем. Она заводила их каждый вечер, сколько я себя помнил. «Часы — это сердце дома, — говорила она. — Пока они идут, дом жив». После её смерти я продолжал заводить их — не столько по привычке, сколько ради памяти. Их мерное тиканье было голосом моего детства.

Сегодня этот голос изменился.

Маятник качался не вправо-влево, а как-то иначе. Как будто он застревал в каждой крайней точке и лишь потом, нехотя, двигался дальше. Тик-так превратилось в ТИИИК-таааак, ТИИИК-таааак — растянутое, искажённое, неправильное.

— Ты видишь? — спросил я.

Алиса подошла к часам и прислушалась. Её лицо стало серьёзным.

— Они идут вспять. Секундная стрелка движется против часовой.

Я подошёл и посмотрел на циферблат. Это было невозможно — но это происходило. Тонкая стрелка, обычно бегущая по кругу слева направо, теперь двигалась справа налево. Медленно. Неотвратно.

— Этого не может быть, — сказал я. — Это механизм. Он не может идти вспять.

— Может, если Время само потекло в другую сторону.

Я взял часы в руки. Они были тёплыми — теплее, чем обычно. И от них исходила странная вибрация, которую я чувствовал через Муладхару. Не страх — предупреждение. Как будто часы говорили: «Что-то не так. Что-то сломалось. Помогите».

В тот же день пришли пациенты.

Первой была Зинаида Петровна, бывшая учительница. Она села на стул и долго молчала, прежде чем заговорить. Её лицо было бледным, а руки, сложенные на коленях, дрожали.

— Я помню то, чего ещё не было, — сказала она наконец.

— Как это? — спросил я.

— Я знаю, что будет завтра. Не угадываю — знаю. Я вижу это, как воспоминание. Я помню, как мой внук, который сейчас в городе, завтра придет ко мне. Я помню, что он скажет: «Баба, я так соскучился». Я помню, что я ему отвечу: «Я тоже, родной». Я помню, как мы будем пить чай с пирогами. Но этого ещё не случилось.

— «Время — это иллюзия, — процитировала Алиса. — Прошрое, настоящее и будущее существуют одновременно. Мы просто воспринимаем их последовательно».

— Эйнштейн. Он писал об этом в письме к семье умершего друга: «Для нас, убеждённых физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим — не более чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая». Но он говорил о теории. А Зинаида Петровна переживает это на практике.

Следующим пришёл Сергей. Он был бледен и держал гитару, но не играл — просто прижимал её к груди, как спасательный круг.

— Я забыл вчерашний день, — сказал он. — Совсем. Жена говорит, что мы ходили в гости к её сестре. Я не помню. Как будто этого дня не было. Как будто кто-то вырезал его из моей жизни ножницами.

— А что было до этого?

— До этого помню. А вчера — пустота. Чёрная дыра. Я пытаюсь вспомнить — и не могу. Это страшно. Как будто я умер на один день, а потом воскрес.

Третьей пришла Анна. Она не жаловалась — она плакала.

— Мне кажется, что я живу две жизни одновременно, — сказала она, вытирая слёзы. — Одну — здесь, с вами. А другую — где-то ещё. Я вижу сны, которые реальнее яви. Я просыпаюсь и не знаю, кто я. Та Анна, которая здесь, или та, которая во сне. Иногда мне кажется, что я схожу с ума.

— «Есть больше вещей на небе и земле, Горацио, чем снилось вашей философии», — процитировала Алиса.

— Шекспир. Но сейчас это не философия. Это реальность.

Четвёртым пациентом стал мальчик лет семи. Его привела мать — испуганная, заплаканная. Мальчик держал в руках альбом с рисунками.

— Он рисует то, чего ещё не было, — сказала мать. — Вот это — наш дом. Но посмотрите на окна. Видите? Они разбиты. Этого ещё нет. Но он говорит, что через неделю будет буря, и ветер разобьёт стекло. Он говорит это так уверенно, как будто уже видел это.

Я посмотрел на рисунок. Окна действительно были разбиты — с мелкими осколками, летящими в разные стороны. Рисунок был детским, но в нём чувствовалась странная, пугающая точность.

— Как тебя зовут? — спросил я мальчика.

— Миша.

— Миша, откуда ты знаешь, что будет буря?

— Я видел, — ответил он просто. — Во сне. Только это был не сон. Это было как... как будто я уже там был. Как будто это уже случилось.

Я переглянулся с Алисой. Она кивнула.

— «Время — это не линия, — процитировал я. — Время — это круг. Всё возвращается. Всё повторяется».

— Ницше. Он называл это «вечным возвращением». Но я не думал, что увижу это на практике.

О трещинах во Времени

«Время — это не линия, — писал философ Анри Бергсон. — Это длительность. Это поток. Это жизнь». Но что, если в этом потоке появляется трещина? Что, если прошлое и будущее начинают просачиваться друг в друга? Что, если мгновения, которые должны были уйти, возвращаются? Или те, что должны были наступить, приходят раньше срока?

В квантовой физике есть понятие «временной петли» — гипотетической замкнутой кривой в пространстве-времени, позволяющей вернуться в прошлое. Эйнштейн и Розен предсказали существование «мостов», соединяющих разные точки пространства-времени. Но эти теории оставались на бумаге. До сегодняшнего дня.

«Трещина в вечности» — это не просто метафора. Это реальность, с которой столкнулись мои пациенты. Время — это ткань. И в этой ткани кто-то проделал дыру. Не ножом — любовью. Потому что самая опасная сила — не ненависть. Самая опасная сила — любовь, которая не может отпустить».

Вечером я позвал Такшаку. Он пришёл, как всегда, из своей норы под старой липой. Его чешуя мерцала в свете свечей, а плащ из лунного шёлка струился, как вода. Он выслушал меня и долго молчал. Его вертикальные зрачки сузились, а пальцы, унизанные кольцами, постукивали по столу.

— Хронос, — произнёс он наконец.

— Что?

— Хронос. Мир вне времени. Обитель Хранителей Времени. Я слышал о нём от старых Нагов, которые жили ещё до Шамбалы. Говорят, там живут семеро существ, каждый из которых отвечает за свой день недели. За свой аспект времени. За свою ноту в симфонии вечности.

— Почему я никогда не слышал о них?

— Потому что они не вмешиваются в дела мира. Они — Хранители. Они наблюдают. Они следят, чтобы Время текло ровно. Как вы следите за дыханием пациента — не вмешиваясь, но замечая, когда оно сбивается. Но если что-то нарушает его течение...

— Что может нарушить?

— Только сам Хранитель. Только тот, кто знает законы Времени и может их обойти. Если один из Хранителей восстал... — Такшака покачал головой. — Это очень плохо. Очень.

— Я встречал одного из них, — добавил он после паузы. — Давно. Ещё до того, как стал стражем Врат. Это был Квартус — Хранитель Четверга. Он пришёл ко мне во сне и сказал: «Ты будешь хранить Врата. А я буду хранить Время. Мы — слуги одного порядка». Я не понял тогда. Теперь понимаю.

— «Время — это огонь, в котором мы горим», — процитировала Алиса.

— Делмор Шварц. Американский поэт. Но сейчас это не огонь. Это холод. Холод, который замораживает прошлое и будущее.

О Хранителях Времени

«Хранители Времени» — это архетип, существующий во многих мифологиях. В греческой — это мойры, три сестры, прядущие нить судьбы: Клото прядает, Лахесис отмеряет, Атропос обрезает. В скандинавской — норны, сидящие у корней Мирового Древа Иггдрасиль: Урд (Прошное), Верданди (Настоящее), Скульд (Будущее). В индийской — Кала, бог времени, и его супруга Кали, танцующая танец разрушения.

Но Хранители, о которых говорил Такиака, были другими. Их было семеро — по числу дней недели, по числу сфер, по числу нот. Понедельник — начало. Вторник — продолжение. Среда — середина. Четверг — поворот. Пятница — завершение. Суббота — покой. Воскресенье — возрождение. Семь Хранителей. Семь стражей миропорядка.

«Хранители — это не боги, — писал алхимик и мистик Рудольф Штайнер. — Это слуги. Слуги порядка. Слуги гармонии. Слуги любви».

И если один из них восстал, это могло означать только одно: его любовь оказалась сильнее его долга.

Ночью мне приснился сон.

Я стоял на берегу реки. Но это была не обычная река. Она текла в обе стороны одновременно. Слева направо — и справа налево. Волны сталкивались, создавая водовороты, и в этих водоворотах я видел образы. Прошное. Будущее. Лица, которых я знал. Лица, которых я ещё не встречал. Мгновения, которые были, и мгновения, которые будут.

Река пахла озоном — как после грозы. И время в ней звучало. Не тик-так — а мелодия. Семь нот. Семь дней. Семь сфер. Но одна нота — воскресенье — звучала громче остальных, заглушая их. Она была диссонансом в симфонии вечности.

Я стоял и смотрел, и река пела. Её песня была прекрасна — и полна боли. Как колыбельная, которую поют сквозь слёзы.

И тогда зазвучал Голос. Тот самый, что когда-то говорил со мной о семи сферах, о Шамбале, о Музыке Сфер, о стихиях. Но теперь он звучал иначе — в нём было семь голосов, сплетённых в один. Как будто все Хранители Времени говорили одновременно.

— Время ранено. Не само — его Хранитель. Один из семи восстал. Он хочет повернуть реку вспять. Он хочет вернуть то, что ушло. Но Время нельзя повернуть. Его можно только принять.

— Кто он? — спросил я.

— Септимус. Хранитель Воскресенья. Хранитель Возрождения. Он полюбил смертную. Её звали Эйрена. Она была целительницей. Она лечила людей травами и словом. Он встретил её на рассвете, когда она собирала ромашку. Она улыбнулась ему. И он забыл о Времени.

— Что с ней случилось?

— Она умерла. Как умирают все смертные. Она состарилась за то время, что для него было одним мгновением. И он не смог смириться. Он пытается повернуть Время вспять, чтобы спасти её. Даже если это разрушит всё.

— Что мне делать?

— Найди остальных. Шестерых. Они помогут тебе. Они ждут в Хроносе, мире вне времени. Иди. И возьми с собой ту, кто рисует. Её картины скажут то, что ты не сможешь сказать словами. Её кисть исцелит то, что сломано.

Я проснулся на рассвете. Алиса уже не спала. Она сидела на кровати и смотрела на меня. В её руке был карандаш, а на коленях — альбом, открытый на чистой странице.

— Тебе тоже приснилось? — спросила она.

— Да. Река. Голос. Хранители.

— Мне — часы. Огромные, как башня. Их стрелки крутились в разные стороны. А потом появился человек. Он был соткан из мгновений — то юноша, то старик, то ребёнок. Он плакал.

И его слёзы были временем — они падали и разбивались, как стекло. Он сказал: «Помоги мне. Я заблудился. Я не могу найти дорогу обратно».

— Септимус, — прошептал я. — Хранитель Воскресенья. Он потерял любимую. И не может принять.

— Тогда мы должны помочь ему.

— Не наказать. Помочь.

— «Понять — значит простить», — процитировала она.

— Мадам де Сталь. Она говорила это о людях. Но это верно и для Хранителей.

О любви и времени

«Любовь сильнее времени», — говорят поэты. Но так ли это? Время уносит всё. Оно стирает лица, заглушает голоса, разрушает города. Даже любовь не может остановить его течение.

Но любовь может осветить его. Сделать каждое мгновение драгоценным. Каждую секунду — вечностью. «Вечность — это не бесконечное количество времени, — писал философ Людвиг Витгенштейн. — Вечность — это отсутствие времени». Когда мы любим, время исчезает. Мы живём в вечном «сейчас».

Септимус забыл об этом. Он пытался удержать время. Но время нельзя удержать. Его можно только принять. И наполнить светом.

«Не пытайся удержать воду в ладонях, — говорила бабушка. — Она всё равно утечёт. Но ты можешь напиться, пока она здесь».

На следующий день мы собрали совет. Пришли Такшака, Адитья, Синга. Пришли Архитектор и Маара. Пришли Эринии — София, Элеос и Элпис. Пришли ученики. Я рассказал им о сне.

— Хронос, — произнёс Архитектор. — Я слышал о нём. Это мир, где нет времени. Где все мгновения существуют одновременно. Где прошлое, настоящее и будущее — как страницы раскрытой книги.

— И там живут Хранители? — спросила Алиса.

— Да. Семеро. По числу дней недели. По числу сфер. По числу нот. Каждый из них отвечает за свой аспект Времени.

— И Септимус восстал, — добавила Маара. — Он хочет вернуть умершую возлюбленную. Он думает, что, разорвав время, сможет её спасти. Но он ошибается. Прошлое нельзя изменить. Его можно только принять.

— «Мудрость не в том, чтобы переписывать прошлое, — процитировал я. — Мудрость — в том, чтобы принять его и наполнить светом».

Чхая, пришедшая из Набха-локи, предложила провести нас в Хронос.

— Это опасно, — предупредила она. — В Хроносе нет привычного течения времени. Вы можете застрять в одном мгновении навсегда. Или раздробиться на тысячу моментов. Вы должны быть готовы.

— Мы готовы, — сказал я.

— Тогда идём. Хранители ждут.

Мы начали собираться. Алиса взяла свой альбом и пастель. Я взял колокольчики семи сфер и камни стихий — красный кристалл Терры, аквамарин Аквы, огненный опал Игниса, горный хрусталь Аэры. Такшака взял свой трезубец — на всякий случай. Синга, как всегда, пошёл с нами.

Перед уходом ко мне подошла Элеос.

— Возьмите это, — сказала она, протягивая маленький белый камень. — Это лунный камень. Камень памяти. Он поможет вам помнить, кто вы, даже если Время попытается вас запутать.

— Спасибо.

— Берегите Время, — сказала она. — Мы все — его дети. Даже те, кто забыл об этом. Даже те, кто пытается его разрушить. Время прощает. Но оно ждёт, когда дети вернутся.

Мы вышли из дома и направились к старому дубу, где Чхая уже открывала портал — не в пространстве, а во Времени.

— «Всему своё время, — процитировала Алиса. — Время рождаться и время умирать. Время разрушать и время строить. Время плакать и время смеяться. Время танцевать».

— Экклезиаст. Древняя мудрость. И она права. Сейчас — время идти.

Мы шагнули в портал.

Река времени не терпит запруд: если её остановить, она либо разорвёт берега, либо замёрзнет навсегда. Но сначала она просто начинает течь вспять — тихо, как воспоминание, которое ещё не случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.